

ПРОТИВ АНТИИСТОРИЗМА

Александр Яковлев

Особым смыслом исполнен приближающийся пятидесятилетний юбилей Союза Советских Социалистических Республик. Эти полвека — блестящее доказательство той истины, что история человечества развивается по восходящей линии, в полном соответствии с объективными законами общественной жизни, открытыми великими учёными К. Марксом и Ф. Энгельсом.

50 лет СССР — это зримое свидетельство героизма, самоотверженности, исторических свершений всех народов великого Советского Союза, прошедших в тесном едином строю нелегкий путь борьбы, труда и побед, только объединенными силами можно было построить социализм. Только в условиях созидания нового строя могла сложиться новая историческая общность — советский народ.

Советская общественная наука, советская литература и искусство развивались и мужали все эти пятьдесят лет вместе с развитием страны, всегда являясь активными, деятельными участниками социалистического строительства. И они дали множество примеров глубокого и тонкого решения этой сложной задачи — отражения и исследования эпохи — на высоком научном и идейно-художественном уровне. Так же как в партийных документах, ставших вехами нашей истории, в десятках теоретических обобщающих трудов и исследований, в ставших уже советской классикой эпических поэмах и пьесах, в замечательных фильмах и спектаклях, которые мы по праву называем народными, отразилась сама наша жизнь — бурная, полная революционного динамизма, новаторской энергии, созидательной мощи. В лучших произведениях партийной публицистики, науки, литературы и искусства глубоко осмысливается пройденный нашим народом исторический путь со всеми его тяготами, с переломными моментами, с противоречиями и столкновениями, а из этого анализа выкристаллизовываются те главные, животворные тенденции, которые и определяют направление движения жизни. Прошлое, настоящее и будущее народа освещено в этих произведениях светом марксистско-ленинского мировоззрения, силой таланта, служащего трудовому народу. Поистине с огромными достижениями не только в области материального производства, но и в сфере духовной приходит наша страна к славному юбилею великого Советского Союза.

Сегодня общество развитого социализма решает проблемы, небывалые по своей

новизне, размаху и характеру. Отсюда сложность и многоплановость процесса развития зрелого социалистического общества. Отсюда неизбежные для всякого развития противоречия. Разумеется, сложности и противоречия общественной жизни сегодня носят совершенно иной характер, чем в предыдущие периоды более чем полувековой истории нашей страны. Они определяются тем, что советскому народу приходится решать такие задачи, которые, если говорить об их объеме и глубине, никогда ранее не вставали.

Социалистическая современность — трудная, но чрезвычайно благодарная сфера научного анализа и художественных обобщений, исследований и типизации. Главной заботой общественной науки, литературы, публицистики всегда было изучение и отражение того нового, прогрессивного, коммунистического, что утверждается в нашей жизни. И от того, насколько зорек глаз ученого или художника, умеющего увидеть это новое, насколько щедро его сердце, способное новому порадоваться, насколько глубок ход его мыслей, проникающих в грядущее, — от всего этого зависят общественная значимость и полнокровность научного или литературного труда. Речь идет об умении точно анализировать и окрыленно мечтать, или, говоря словами Маяковского, и «день пришить к бумаге», и заглянуть «в коммунистическое далеко».

По сути дела, ученый или литератор нашего времени — это не просто человек, взявший перо для того, чтобы запечатлеть эпоху или в строгих научных выводах, или в ярких художественных образах. В обоих случаях это исследователь, анализирующий сложнейшие явления и глубинные процессы.

Чтобы разобраться в сложности жизненных ситуаций и проявлений, уметь правильно их оценивать, отличать подлинные ценности от мнимых, необходимы четкие классовые ориентиры, идейная убежденность, политическая прозорливость. С этими качествами равно несовместимы как догматическая нетерпимость, закостенелость, так и ревизионистская всеядность, модное псевдоноваторство — любые отступления от научной, диалектико-материалистической методологии, от марксистско-ленинских принципов анализа. Уметь с научных позиций анализировать обстановку, общественные условия во всей их сложности и противоречивости, видеть возможность разнородных влияний на развитие социалистического сознания, правильно оценивать степень и глубину этого влияния и делать верные политические выводы — в этом суть подхода к явлениям жизни, которому учит марксизм-ленинизм. «Весь дух марксизма, вся его система, — писал В.И. Ленин, — требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (в) лишь в связи с конкретным опытом истории». Разработанные В.И. Лениным методологические принципы подхода к общественным явлениям актуальны и для науки, и для литературы, и для

публицистики. Отступления от этих принципов в конечном счете ведут к искаженным представлениям о социальной действительности, о явлениях и прошлом и настоящего. К сожалению, нам еще приходится сталкиваться с отдельными фактами таких отступлений и искажений. И поскольку эти ошибочные суждения высказываются публично, на страницах книг и журналов, появляется необходимость подвергнуть их критическому анализу.

Среди актуальных проблем современного общественного развития, о которых пойдет речь в этой связи, одно из первых мест занимает социальная структура советского общества. Эта проблема глубоко и всесторонне рассмотрена XXIV съездом КПСС. Основополагающее значение имеет выработанное съездом положение о том, что «сближение всех классов и социальных групп, воспитание моральных и политических качеств советского народа, укрепление его социального единства происходят у нас на основе марксистско-ленинской идеологии, выражающей социалистические интересы и коммунистические идеалы рабочего класса». Это положение указывает ту общественную силу, которая стоит во главе социалистического прогресса. Такой силой, «социальным разумом и социальным сердцем» строительства нового, социально однородного общества выступает рабочий класс, призванный историей возглавить революционные преобразования вплоть до полного исчезновения классов вообще.

Конечно, экономические и социальные достижения социализма, преображая общество, оказывают огромное воздействие и на рабочий класс — главного двигателя и творца общественных преобразований. Преобразуя общество, рабочий класс преобразует и самого себя. Это находит воплощение, в частности, в появлении его новых и новых отрядов, в росте общей и профессиональной культуры, образованности, социальной активности, развитии социалистической морали.

Но тот факт, что рабочий класс растет, развивается, повышает свою культуру, овладевает все новыми знаниями, новыми методами труда, естественно, не уменьшает, а, напротив, усиливает его ведущую роль в коммунистическом строительстве.

Эта, казалось бы, очевидная истина не всеми, однако, правильно понимается. Так, утверждения автора книги «Человек и человечество» И. Забелина о том, что «рабочий класс пришел к власти для того, чтобы уступить место на исторической арене интеллигенции, классу интеллигенции», мягко говоря, расходятся с фактами живой социалистической действительности, по мнению И. Забелина, рабочий класс «подготовил свое собственное, а также крестьянства, постепенное перерастание в класс интеллигенции, которому в дальнейшем суждено быть — во веки веков! — единственным классом

человеческого общества».

Это — в будущем. А в настоящем? Для И. Забелина «безусловно, что сейчас лидирующим революционным классом (это дальнейшая конкретизация эволюции), классом, возникшим в канун космической эры, стала интеллигенция, многообразная деятельность которой изменяет и определяет судьбы стран и народов».

Но ведь интеллигенция, как об этом писал В.И. Ленин, никогда не была и не могла стать самостоятельным классом, ибо выделялась из основной массы населения не по классообразующим признакам, а по профессиональной принадлежности к сфере преимущественно Умственного труда. Интеллигенция, как, впрочем, и любая другая социальная группа, вообще не может стать единственным классом общества, ибо этот единственный класс и будет собственно обществом, то есть обществом без классов: Таким образом, утверждение И. Забелина -- при кажущемся его стремлении учесть то новое, что привносит в жизнь научно-техническая революция, — несостоятельное с самого начала.

XXIV съезд нашей партии особо отметил необходимость дальнейшего повышения роли рабочего класса во всех сферах производственной, экономической, политической и культурной жизни. Эта закономерная тенденция обусловлена всем ходом социалистического развития. «Рабочий класс, — подчеркнул в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду товарищ Л.И. Брежнев, — был и остается основной производительной силой общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений».

Как представляется, в своих рассуждениях И. Забелин упускает главный — классовый — критерий и в результате неизбежно попадает под власть схоластики. Книга (а особенно очерк «Человечество — для чего оно?») наводнена абстрактными построениями, касающимися настоящего и будущего планеты, — без какого бы то ни было учета борьбы классов, и сегодня определяющей характер социального развития в мире. Декларируя коммунизм как высшую, конечную цель человечества, И. Забелин, по сути дела, игнорирует как раз ту массовую силу, которая призвана осуществить эту цель, осуществить вопреки ожесточенному сопротивлению старого мира. Свое внимание И. Забелин сосредоточивает прежде всего на общих, по его мнению, для всего человечества проблемах научно-технической революции, демографического взрыва, выхода человека в космос и т. д., в духе внеклассовой футурологической утопии рассуждая о «ведении всечеловеческих дел».

Избегая социального взгляда на судьбу человечества, автор и научно-техническую революцию толкует в отрыве от социальных начал жизни. И возникает ошибочное понимание роли интеллигенции как некоего «лидирующего революционного класса», который появился «в канун космической эры», чтобы определять «судьбы стран и народов». Видится здесь уже не социализм, а некое отвлеченное общество «вообще».

Что же касается утверждения о «лидирующей роли интеллигенции в качестве «революционного класса», то оно, увы, не является изобретением автора. Не в обиду будь сказано И. Забелину, но об этом давно толкуют мелкобуржуазные социальные теоретики.

Начать с того, что буржуазные идеологи лелеют миф об «исчезновении классов» при сохранении частной собственности, о том, что развитие современного капитализма ведет к примирению классов, установлению «классового мира», к общему социальному согласию и благоденствию. Классы, мол, представляют собой лишь «временные» социальные объединения. Они якобы возникают лишь в тех случаях, когда какие-то общественные, экономические, политические процессы сплавляют воедино различные социальные группы в одну большую группу. Классы, утверждает, например, Р. Дарендорф, являются «подвижными образованиями», временно организованными группировками, участвующими в том или ином социальном конфликте, эмпирическими социальными сущностями.

Кстати, и в утверждении Дарендорфа нет никакой новизны. Оно опирается на довольно распространенную в буржуазной социологии точку зрения, согласно которой социальная дифференциация в основе своей имеет, например, тождественное понимание интересов. Подобную точку зрения когда-то отстаивал еще предшественник нынешних «теоретиков» конвергенции Вернер Зомбарт, уверявший, что класс образуется на основе «убеждения групп людей в их общности». Любопытно, что даже Фрейд пытался доказать, будто Марксова теория классов и классовой борьбы и была как раз одной из причин появления реальных классов в результате раскола внутри нации, породившего «иллюзорное ощущение единства» у отдельных социальных групп.

Особую неприязнь у буржуазных идеологов вызывает марксистско-ленинское положение о том, что строй частной собственности есть причина антагонистического классового деления общества. Рассматривая рабочий класс как относительно неустойчивое социальное явление, как «политическую» страту, охватывающую тех, кто признал себя рабочими, буржуазные социологи уверяют, что «сумма социальных страт», составляющих рабочий класс, в настоящее время полностью утратила антикапиталистическую, революционную сущность. Буржуазные социологи пытаются доказать, что рабочий класс врос-де

в систему государственно-монополистической организации. Наиболее отчетливо эта точка зрения выражена в работах Герберта Маркузе. Еще в книге «Одномерный человек» он утверждал, что «рабочий интегрируется со своим предприятием», происходит «...социальная и культурная интеграция рабочего класса в капиталистическом обществе». По Маркузе, «новый технологический мир труда ликвидирует негативное отношение к себе со стороны рабочего класса. Последний больше не выглядит как живое отрицание существующего общества...» Теперь рабочий класс больше не отличается, по мнению Г. Маркузе, от предпринимательского класса, от коммерсантов и других буржуазных групп, поскольку он, так же как и они, якобы заинтересован в сохранении капитализма.

Согласно другой точке зрения, миссию власти в современном обществе может выполнять только элита. Адепты этой концепции тщатся доказать, будто политическая история является борьбой только тех социальных групп, которые находятся на вершине общественной пирамиды.

При этом народные массы буржуазные теоретики третируют как «усредненную» и «худшую часть человечества» (Ортега-и-Гассет), «косную силу, противостоящую творческому меньшинству» (Тойнби). Вследствие своей биологической особенности массы якобы подсознательно жаждут подчиниться элите, поскольку народу, мол, всегда свойственно «стадное сознание». Элита же, напротив, обладает особой генетической, то есть наследственной, способностью руководить, подчинять себе массы. Она наделена некоей экстраординарной физической и нервной энергией, необходимой для того, чтобы устоять в борьбе со своими конкурентами.

Переход власти от капиталистической элиты к интеллектуальной является будто бы особенностью XX века — утверждают буржуазные социологи. Господствующий класс теперь, дескать, складывается из наиболее интеллектуально одаренных людей и, таким образом, иерархия умственных талантов и иерархия социального управления все чаще совпадают. По Гэлбрейту, например, в настоящее время людей все больше и больше разделяют не деньги, а образование, «именно в этом отражается существенное классовое (?! — А.Я.) разделение нашего времени».

В конечном счете буржуазные теории активно спекулируют на новых явлениях в технико-экономической жизни капиталистических стран, которые наблюдаются в условиях научно-технической революции. Эти спекуляции направлены на дезориентацию революционного движения. В теориях «единого индустриального общества», «стадий роста», «постиндустриального общества» и им подобных наиболее полно проявились вульгарный технологизм, гипертрофия значения технических достижений и умаление и даже прямое

игнорирование роли главной производительной силы — огромной массы трудящихся.

Таковы некоторые идеи буржуазных теоретиков, идеи, которые они провозглашают универсальными, пытаясь навязать их социалистическому миру.

Но вернемся к делам домашним. Мы знаем, что темпы роста социалистической научной и технической интеллигенции в последние годы стали превосходить темпы роста других социальных групп. Этот процесс не только объясним, но и закономерен. Количественный и качественный рост интеллигенции есть прямой результат политики партии, направленной на всемерное ускорение научно-технического прогресса, на дальнейшее повышение культуры и образованности народа. Достаточно известно также, что эффективная работа трудовых коллективов в огромной степени зависит от руководителей и специалистов, от их компетентности, умения управлять, принимать правильные решения и объективно оценивать достигнутое. Однако все это не дает никаких оснований противопоставлять друг другу работников умственного и физического труда, прекратив толковать их взаимоотношения.

Если совершенно несостоятельно отрицание ведущей роли рабочего класса, то в такой же степени неприемлемо и нигилистическое отношение к интеллигенции. Какой бы то ни было нигилизм подобного рода глубоко чужд идеологии научного социализма — и это понятно, — ибо ничего, кроме разлада, внести в общество не может. Именно поэтому наша общественность подвергла критике статью «Ноль целых шесть десятых» («Октябрь», № 7, 1971 г.), исторические писания И. Шевцова, книгу И. Дроздова «Подземный меридиан» и некоторые другие. Снобистское отрицание исторической роли рабочего класса, равно как и попытки возвести в роль «лидирующего класса» интеллигенцию или, наоборот, — что свойственно названным книгам — принизить и охаять ее роль имеют своим источником один и тот же корень, а именно: непонимание происходящих перемен в социальной структуре общества, их главных тенденций, внесоциальное толкование социалистического прогресса.

Непонимание законов живой жизни или растерянность перед ее сложными явлениями порождают у иных публицистов не только заблуждения относительно роли рабочего класса и интеллигенции в условиях социализма, но и крайности другого порядка — воинствующую апологику крестьянской патриархальности в противовес городской культуре — всеобщей, по словам одного из сторонников этой точки зрения, «индустриальной пляске».

Заблуждение это обрело даже некую теоретическую «оболочку» в виде концепции «истоков», которой почему-то дали «зеленую улицу» некоторые невзыскательные редакции. «Историки» в иных статьях настойчиво

противопоставляются «интеллектуализму», а противопоставление это выдается за «современное соотношение городской и деревенской культуры». По адресу сторонников «интеллектуализма» мечутся громы и молнии, а сами они именуются не иначе как «разлагатели национального духа».

В представлении проповедников теории «истоков» именно деревня, причем старая, существующая главным образом в воображении этих проповедников, старый аул, затерянный хутор или кишлак, хранящие традиции застойного быта, в отличие от города являются главной питательной почвой национальной культуры, некоей «общенациональной морали». Тем самым культивируется любование патриархальным укладом жизни, домостроевскими нравами как основной национальной ценностью. Естественно, что при такой постановке вопроса социализм и те изменения, которые он за полвека внес в нашу жизнь, социальная практика советского общества, формирующая коммунистическую мораль, выглядят как искусственно привнесенные нововведения, как вряд ли оправданная ломка привычного образа жизни.

«...Крестьяне — наиболее нравственно самобытный национальный тип», «...оригинальность (мужика. — А.Я.) противостоит безликости (агрессивной или пассивной), разлагающей народный дух», — провозглашает М. Лобанов в своей книге «Мужество человечности».

В книге М. Лобанова мы сталкиваемся с давно набившими оскомину рассуждениями «о загадке России», о «тяжелом кресте национального самосознания», о «тайне народа, его безмолвной мудрости», «зове природной цельности» и в противовес этому — о «разлагателях национального духа». В рассуждениях этих нет и грана конкретно-исторического анализа. Нет понимания элементарного — того, что «национальное чувство», «национальный дух» декабристов и Николая I, Чернышевского и Каткова, Плеханова и Победоносцева несовместимы, что в классовом обществе нет и не может быть единого для всех «национального самосознания».

Внеисторический, внеклассовый подход к проблемам этики и литературы характерен для понимания М. Лобановым эпопеи Л. Толстого «Война и мир» (статья «Вечность красоты», «Молодая гвардия», № 12, 1969). Отечественная война 1812 года трактуется М. Лобановым как период классового мира, некоей национальной гармонии. Неприятие М. Лобанова вызывают идеи Великой Французской буржуазной революции: якобы избавление от них как от «наносного, искусственного, насильственно привитого» и возвращение к «целостности русской жизни» обеспечило, по его мнению, «нравственную несокрушимость русского войска на Бородине».

Насколько далеки подобные утверждения от истины, говорит уже то, что

влиянию этой революции и идейно подготовившей ее философии просветителей лучшая часть русского общества во многом обязана формированием передовых идей своего времени, что без этого влияния невозможно представить себе духовную атмосферу эпохи Пушкина и декабристов.

Не менее категоричен М. Лобанов и когда обращается к современности. «Одно время наша литература о деревне, — заявляет он, — была активна, так сказать, организационно-хозяйственными предложениями, рекомендациями, что ли. В какой мере такие рекомендации мало подходят для целей литературы, показал опыт работы В. Овечкина, в свое время писавшего страстные, убежденные очерки, которые, однако, вскоре угасли в своей практической актуальности именно из-за узкопрактической своей проблематики».

Итак, очерки В. Овечкина утратили свою актуальность. Но в чем состоит альтернатива? На этот вопрос, перекликаясь с М. Лобановым, отвечает в журнале «Кедры» (№ 3, 1971) Л. Аннинский. Он пишет:

«От Троепольского и Овечкина, от Жестева и Калинина, от тогдашнего Тендрякова и тогдашнего Залыгина был деревенской прозе завещан, так сказать, «экономический» анализ человека... Были написаны повести и романы В. Фоменко и Е. Мальцева, С. Крутилина и В. Семина, Ф. Абрамова, П. Проскурина, Е. Дороша... Была создана панорама событий в деревне.

Имела эта панорама решающий успех в литературе? Нет. Она вошла, конечно, в ее анналы и в ее фонды.. Но событие произошло не здесь. Рядом.

Событием стали лиричные сельские рассказы и философские эссе молодых деревенских писателей... На смену трезвому хозяйственнику пришел деревенский мечтатель, лукавый мужичонка, балагур, чудак, мудрей, древний деревенский дед, хранитель столетних традиций..»

Если верить М. Лобанову, «современную литературу наши потомки будут судить по глубине отношения к судьбе русской деревни... Истинные ценности, прежде всего нравственные, всегда дождутся своего времени. И хорошо, что наша деревенская литература все более насыщается этими ценностями, которые излучаются из недр крестьянской жизни».

Подобное же мировосприятие по-своему выражено в книге стихов «Посиделки» В. Яковченко: «О Русь! Люблю твою седую старину... Вон позабытый старый храм над колокольной поднял крест, как руку, как будто ждет условленного звука и жадно смотрит в очи небесам. Ах, старый, старый, позабытый храм...»

А пока один тоскует по храмам и крестам, другой заливается плачем по

лошадям, третий голосит по петухам.

Вздохами о камнях, развалинах, монастырях перегружена подборка стихов «Поэты Армении» («Новый мир», № 6, 1972). Лирический герой одного из стихотворений сидит у окна и видит, как на грузовиках везут лошадей, «которые тысячи лет все перевозили и переносили, взвалив историю человечества на свой выносливый круп, выбив копытами эту историю». И ему кажется, что надо спасать прошлое от настоящего: «Как мне вас выручить, кони мои? Как мне спасти вас, кони? Что я могу — подавить рыданье, душу за вас отдать...»

И. Кобзев, в свою очередь, грустит, что «в Москве не слышно петухов», и пишет: «Порой меня снедает грусть: о, сторона моя родная, куда ж ты задевалась, Русь, веселая и разбитная?!»

Во многих стихах мы встречаемся с воспеванием церквей и икон, а это уже вопрос далеко не поэтический. «Раньше можно было в небесах приют найти — несговорчивая сила нам отрезала пути». — жалуется В. Яковченко. Сусально-олеографическая деревенская Русь напрямую противопоставляется современному городу. «Говорят, что скоро, очень скоро сельский люд ввезет на этажи...» — скорбит В. Яковченко. Город, индустрию он рисует в образе некоего абстрактного «зла», «железа», которое, как «злой гений, вознеслось»:

«Обрело язык железо, зык его и зол и резок. Рвать! Рубить! Дырявить, резать! Вот законы. Вот права. Сталь растет. Растет железо, как гигантская трава. Стой! Питаемое веком, зреешь ты над человеком, все растешь. Все мало, мало!...»

Видение прямо-таки апокалипсическое! По сути дела, за всем этим — идейная позиция, опасная тем, что объективно содержит попытку возвернуть прошлое, запугать людей «злобным духом железного воя», «индустриальной пляской», убивающей якобы национальную самобытность. При этом альтернативой подобным «страхам» предстают призывы к «освоению простонародности», поиски вечной, неизменной морали, утверждение веры «в нравственное начало... не зависимое ни от чего, кроме того, что оно — нравственное, веры в то самое вечно обновляющее личность внутреннее духовное качество, которое в русской культурной традиции всегда называли совестью».

Ленин в свое время, как известно, говорил: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем». В ряде работ он писал об исторической ограниченности патриархального крестьянства, его забитости, сервилизме, рабской психологии, воспитанной веками подневольного труда, вскрыл двойственность его природы как мелких собственников, с одной стороны, и тружеников — с другой. Напомним, с какой

огромной художественной силой и глубиной эта диалектика, двойственность природы крестьянства, показана, например, в романах М. Шолохова. Тот, кто не понимает этого, по существу, ведет спор с диалектикой ленинского взгляда на крестьянство, с социалистической практикой переустройства деревни. Тогда и возникают разного рода вульгарно-объективистские утверждения.

«Мы очень охотно ругаем нынче патриархальность, и слово это в нашей практике приобрело заведомо бранный характер, — сетует в статье «Земля и прогресс» А. Ланщиков (альманах «Кубань», № 10, 1971). - Но здесь не все так просто, как может показаться с первого взгляда... Говоря о патриархальном укладе, мы сплошь и рядом забываем, что в нем воплотились многовековые деяния, нравственный и духовный опыт трудового класса, что именно этот, а не какой-либо другой уклад обеспечил этому классу жизнестойкость в самых трудных торических ситуациях...» В романе «Оленьи пруды» М. Кочнева утверждается: «Русской деревне даже в самые беспросветные времена никогда не была свойственна ограниченность, равная идиотизму, и обвинить ее в идиотизме мог только тот, кому за каждым кустом, растущим за городской заставой, мерещится страшный серый волк...»

В том же романе читаем: «Все — сатрапы, все — холоуи, все — рабы прикровенные и откровенные... Нация холопов... А не пересолит ли дорогой наш Николай Гаврилович...» — говорит один из героев романа. Герой положительный, и все симпатии автора на его стороне. Полемика идет не только с Чернышевским, но и с Лениным. Чтобы убедиться в этом, приведем соответствующее место из работы Ленина «О национальной гордости великороссов»: «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения». Кстати, у Чернышевского нет слов «рабы откровенные и прикровенные» — это у Ленина. И не «всех» Ленин называл «холоуями», «рабами прикровенными и откровенными», а только тех, кто был «рабом по отношению к царской монархии».

С кем же в таком случае борются наши ревнители патриархальной деревни и куда они зовут?..

Но что там нравственные ценности былого, если даже «традиции» гастрономического свойства стали предметом скорби! Согласно В. Кожинovu, утрата национального своеобразия особенно резко проявилась у нас... в отношении к еде. «Еда — и в своей семье, и на миру — испокон веков была

настоящим священнодействием и обрядом. Она начиналась и заканчивалась благодарственной молитвой...» — пишет В. Кожин в журнале «Кодры» (№ 3, 1971), рисуя далее картину «русской еды» с ее обилием, красотой и «одухотворенностью» как нечто национально особенное, связанное «с тысячелетним опытом, с народной традицией». Не кощунственно ли звучит все это? Если следовать логике рассуждений В. Кожина, то плотоядный гоголевский персонаж — Петр Петрович Петух окажется самым ярким носителем национальных традиций. Следует, может быть, напомнить В. Кожину, с каким гневом писала русская литература о барском обжорстве и с какой болью говорила она о русских деревнях, называвшихся «Горелово, Неелово, Неурожайка тож».

Голод, нищета, забитые в колодки мужики, кнут крепостничества или, говоря словами Ленина, «рабское прошлое», «рабское настоящее», «великое раболепство» — вот что было неразрывно связано с понятием патриархальной России, которое лелеют в своем воображении оказавшиеся не в ладах с историей сторонники «вечной нравственности». Уместно напомнить, что В. И. Ленин прямо отождествлял патриархальщину с дикостью. И в ней ли нам искать нравственные идеалы, «истоки» морального обновления!

Скажем сразу: мы — за бережное отношение ко всему прогрессивному и демократическому, что содержит в себе нравственный опыт народов и что органически дополняет наши классовые моральные принципы. Мы с любовью относимся ко всему, что отложилось в народном характере за годы революционной борьбы и чем обогатил его жизнь труд по преобразованию земли. Нам дороги свободолюбие трудового крестьянства, жгучая ненависть к эксплуататорам. Эти чувства влекли его в разинские ватаги, войска Емельяна Пугачева, звали на борьбу против царя и помещиков и в конечном, историческом, счете привели в полки Красной армии.

Нельзя не гордиться талантом русского крестьянства, его смекалкой, стремлением внести в каждое дело живинку мастерства. Нам дорого присущее трудовому крестьянству чувство любви к земле, к родной природе, чувство общности в труде, отзывчивость к нуждам других людей. Мы хотим, чтобы к краюхе хлеба, добытого нелегким трудом тысяч и тысяч людей, с такой же любовью, как крестьянин-труженик, относились все.

Именно этим прогрессивным чертам в нравственном облике трудового крестьянства с победой революции суждено было утвердиться, обогатиться новым содержанием. Активная социально-преобразующая деятельность формировала на селе характер труженика-коллективиста, советского патриота, духовно богатую личность, для которой мир не только округа за околицей, а весь могучий и свободный Союз Советских Социалистических Республик. Не о

«самовозрождении» патриархального духа ныне благостно пекутся, а землю преобразают, космос штурмуют крестьянские сыны!

Говоря о решительном неприятии юродствования по поводу «мужицких истоков», мы столь же категорически осуждаем космополитическое небрежение народными традициями. Наш спор со сторонниками социальной патриархальщины не означает нигилистического отношения к культурному наследию народов. Только брызжащий скептик может «не заметить», что для деятельности Советского государства в области культуры характерна огромная забота о сохранении и приумножении духовного наследия всех народов Советской страны. Государство отпускает огромные средства на реставрацию памятников архитектуры, произведений изобразительного искусства.

Будем откровенны: ведь не на деньги же новоявленных богоносцев реставрирован Тракайский замок под Вильнюсом, кремль в Ростове Великом, памятники архитектуры в Самарканде. Только вот молиться на каждую церковную луковку и каждый минарет мы не будем и причитать у «святых мощей» и «стен плача» не собираемся!

Попутно заметим, что трудовое крестьянство никогда не выступало в роли богоносца. Об этом еще более века тому назад писал Белинский, иронически замечая, что мужик относится к иконе так: «годится — молиться, не годится — горшки покрывать», имея в виду как раз те самые «доски», у коих коленопреклоненно застывают ныне некоторые радители патриархальной старины.

Действительно, в сооружении некоторых храмов участвовали видные зодчие, вложены труд и талант народных умельцев. Но мы знаем и другое — что и церкви, и мечети, и синагоги, и костелы всегда были идеологическими центрами, защищавшими власть имущих. Мы не забываем, что под сводами храмов освящались штыки карателей, душивших первую русскую революцию, что с церковного амвона был предан анафеме Лев Толстой, что колокольным благовестом встречали палача Кутепова, вешателя Деникина, банды Петлюры. Да ведь и самая «демократическая» религия в конечном счете реакционна, представляет собой идеологию духовного рабства. Коли уж говорить об уважении к исторической правде, то не надо подсахаривать эти горькие истины. Их из народной памяти не вытравить никакой словесной эквилибристикой относительно «извечного духа», о котором так пекутся доморощенные культуртрегеры от православия, мусульманства, католицизма, иудаизма и других вероисповеданий.

Итак, две крайности. Если в одном случае научно-технический прогресс абсолютизируется, рассматривается с внеклассовых, «всечеловеческих»

позиций, а руководящим классом общества объявляется интеллигенция, то во втором и научно-техническая революция, и интеллигенция независимо от их социальной природы предаются анафеме. При кажущейся полярности позиций, отмеченных глобальным космополитизмом в первом случае и национальной узостью — во втором, их роднит равно метафизический подход к сложным явлениям и тенденциям. Родственны они и по конечным результатам, ибо игнорируют не только ведущую роль рабочего класса в строительстве коммунизма, но и реальную социальную структуру нашего общества, укрепление его единства, политику партии, направленную на постепенное преодоление существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом.

Старое, патриархальное крестьянство полностью навсегда ушло с исторической арены и сменилось новым классом — колхозным, социалистическим крестьянством. Ушел в прошлое самый многочисленный социальный слой, порождавший мелкобуржуазное сознание, мелкобуржуазную идеологию.

Этот протяженный во времени исторический сдвиг и сегодня еще дает отзвуки умонастроений, противоречиво отражающих столь крутые революционные перемены. Наряду с наследованием и усвоением всего лучшего, что было и есть в трудовом крестьянстве, что входит в жизнь социалистического общества, появляются поветрия, которые В.И. Ленин в свое время характеризовал как «реакционный романтизм». «...Под этим термином, — пояснял он, — разумеется не желание восстановить просто-напросто средневековые учреждения, а именно попытка мерить новое общество на старый патриархальный аршин, именно желание искать образца в старых, совершенно не соответствующих изменившимся экономическим условиям порядках и традициях».

Рупором такого рода «романтизма» выступают чаще всего отдельные литераторы, давно оторвавшиеся от деревни. Их тоскливые «всхлипы» выражают интерес к крестьянству, но не сегодняшнему, социалистическому, а вчерашнему, к той старой деревне, к которой нынешнего горожанина зачастую привязывают лишь воспоминания детства или отрочества. Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник.

Если говорить точнее, то здесь речь идет даже не о старой деревне, а о том самом «справном мужике», у которого действительно и за обильным столом творилось священнодействие, и богатый киот был ухоженным, и книжек «школы богомерзкой» не водилось. Только называли такого «справного мужика» на селе просто и ясно — «миroeд». И то, что его жизнь, его уклад

порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно. Так сделали для того, чтобы в кабале у «справного мужика» ходивший, воспетый поэтом, стомиллионный «сеятель и хранитель» не страдал, а "был полноправным гражданином и хозяином государства трудящихся. А «справного мужика» надо было порушить. Такая уж она неумолимая сила, революция, — рушит все, что восстает против человечности и свободы.

Ключ к пониманию современности — последовательно классовая, партийная позиция в оценке прошлого, опыта предшествующих поколений. Партия всегда придавала и ныне придает серьезное значение правильному, объективному освещению истории нашего государства. Как известно, на XXIV съезде КПСС справедливой критике были подвергнуты отдельные попытки с внеклассовых позиций оценивать исторический путь советского народа, умалять значение его социалистических завоеваний. В то же время партия показала несостоятельность догматических представлений, игнорирующих те большие положительные перемены, которые произошли в жизни общества.

Партийная и литературная печать уже критиковала отдельные статьи в журнале «Молодая гвардия», в которых культурное наследие рассматривалось в духе теории «единого потока», причем дело доходило, по сути, до идеализации и восхваления таких реакционных деятелей, как В. Розанов и К. Леонтьев, с одной стороны, и до пренебрежительных суждений о представителях революционной демократии — с другой.

Игнорирование или недооценка ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре применительно к прошлому и сегодня остается одним из проявлений внеклассового, внесоциального подхода к истории.

Предпринимаются иногда попытки теоретически обосновать эту — будем называть вещи своими именами — ревизию одного из основополагающих принципов марксизма-ленинизма. Так, авторы брошюры «Листья и корни» Л. Ершов и А. Хватов, провозгласив, в прямом противоречии с Лениным, Октябрьскую революцию «великой русской национальной революцией», уверяют, будто после Октября Ленин чуть ли не пересмотрел свое учение о двух культурах, что после революции в ленинском отношении к наследию будто бы «многое кардинально меняется». Это не соответствует действительности, ибо и до, и после революции Ленин со всей определенностью требовал не внеклассовой всеядности, а «развития лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры». Авторы брошюры, увы, утверждают нечто иное — будто «культура социалистического общества складывается не только из элементов последовательно-демократических, но из всего культурного фонда прошлого».

Когда игнорируется ясное ленинское требование, обязательное в подходе к истории, искажаются и конкретные оценки тех или иных видных деятелей прошлого. Критик О. Михайлов в журнале «Наш современник» (№ 4, 1969) и прозаик И. Шухов в журнале «Простор» (№ i, 1972) в явно романтизированном виде представили царского генерала Скобелева, без учета его реакционных умонастроений и роли в подавлении народных выступлений в Средней Азии. Без каких бы то ни было оснований М. Кочневым в уже упоминавшемся романе «Оленьи пруды» предпринята попытка оспорить точку зрения на Карамзина-историка как защитника самодержавия и представить его нашим «идейным союзником», «соратником», заслуживающим ни больше ни меньше как «народного внимания, народного чувства».

Когда нарочито идеализируется прошлое, да еще при нечетких социальных позициях, возникает нелепый спор, чей царь лучше, а заслуги тех или иных деятелей доводятся до превосходных степеней. Один пример из статьи, опубликованной в журнале «Литературная Грузия» (№ 8, 1970): «В грузинской истории имя царицы Тамары окружено особым ореолом»; «Светлая личность царицы Тамары, ее победоносное царствование, дальновидная политика и проницательность — сегодня это уже ясно для всех — способствовали политическому и культурному процветанию Грузии. Все это и снискало ей любовь народную, благодаря этому и сложил народ гимны в честь своей гордости — царицы Тамары... Тамара, по мнению народа, была настолько добрым правителем, что люди мечтали ходить у нее в подчинении...» Иван Билык в романе «Меч Ароя» «в стремлении как можно больше прославить мифического киевского князя Богдана Гатило договорился до того, что объявил, будто под этим именем выступал вождь гуннов Аттила.

Подобные мотивы идеализации можно заметить и в некоторых публикациях о Тимуре, царе Давиде, о движении Кенесары Касымова, о молдавских деятелях культуры прошлого века, об истории киргизского государства и т. д. Надо ли доказывать, что всякая гиперболизация в подобных делах может стать одной из отправных точек для оживления националистических предрассудков! Правомерно поэтому, что эти проявления получили соответствующую оценку со стороны партийных организаций республик. .

Восхваление заслуг «своих» князей, феодалов, царей отнюдь не служит делу патриотического воспитания. Оно возвращает нас к давно высмеянной М.Е. Салтыковым-Щедриным раболепной привычке путать понятия «отечество» и «ваше превосходительство» и даже предпочитать второе первому. Непомерное любование прошлым неизбежно сглаживает классовые противоречия в истории того или иного народа, затушевывает противоположность и непримиримость прогрессивных и реакционных тенденций, притупляет бдительность в

современной идеологической борьбе.

Еще один пример — сборник «О Русская земля!». В книге, цель которой, как сказано в послесловии, — познакомить наше юношество «со стихами высокого гражданского звучания, высокого патриотического и революционного пафоса», без всяких комментариев опубликовано стихотворение видного русского поэта первой половины прошлого века Н.М. Языкова «К не нашим», в котором есть такие строки: «Вы, люд заносчивый и дерзкой, вы, опрометчивый оплот ученья школы богомерзкой, вы все — не русский вы народ!»

Кому же адресовано это стихотворение, кто они — «не наши»? Это А.И. Герцен и его соратники. Само же стихотворение — широко известная акция идейной борьбы, вызвавшая в свое время протесты В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова и самого А.И. Герцена, который назвал это сочинение «полицейской нагайкой» и «доносом в стихах».

В том же сборнике, тоже без всяких комментариев, опубликованы произведения других славянофильских поэтов, воспевавших самодержавие.

Маловероятно, чтобы составители сборника и его редакторы не знали всего этого. В чем же тогда дело? Неужели понятием «высокопатриотического и революционного пафоса» хотят соединить несоединимое — революционных демократов с реакционерами-славянофилами?

Впрочем, то, что сказал стихами Н. Языков еще в 1844 году, в известном смысле повторяет наш современник М. Лобанов в году 1969-м, но уже в форме не поэтической. Он пишет: «Вытеснение духовно и культурно-самобытной Руси, ее национально-неповторимого быта Россией новой, «европеизированной», унифицированной, как страны Запада, — этим болели многие глубокие умы России. Быть России самобытной, призванной сказать миру свое слово, или стать по западному образцу буржуазно-безликой».

Как известно, тема родины, России, понимание патриотизма и любви к Отчизне на всем протяжении XIX столетия были полем острейшей идейно-политической борьбы. И тогда принципиальным образом противостояли друг другу идеи демократизма и просветительства устоям реакционности и «почвенничества».

Как известно, антикоммунизм, изыскивая новые средства борьбы с марксистско-ленинским мировоззрением и социалистическим строем, пытается гальванизировать идеологию «Вех», бердяевщину и другие разгромленные В.И. Лениным реакционные, националистические, религиозно-идеалистические концепции прошлого. Яркий пример тому — шумиха на Западе вокруг сочинений Солженицына, в особенности его последнего романа «Август

четырнадцатого», веховского по философским позициям и кадетского — по позициям политическим. Романа, навязывающего читателю отрицательное отношение к самой идее революции и социализма, чернящего русское освободительное движение и его идейно-нравственные ценности, идеализирующего жизнь, быт, нравы самодержавной России.

Конечно, роман Солженицына — это проявление открытой враждебности к идеалам революции, социализма. Советским литераторам, в том числе и тем, чьи неверные взгляды критикуются в этой статье, разумеется, чуждо и противно поведение новоявленного веховца.

Но ясно и другое, что даже простое кокетничание с реакционно-консервативными традициями прошлого, восходящими к интересам и идеологии свергнутых классов, вынуждает к решительным возражениям против идейной неразборчивости в вопросах подобного рода.

Мы — за бережное отношение к культурному наследию, в том числе и к национальным традициям. И, конечно же, воспитание на традициях, особенно рожденных революцией и социализмом, — неотъемлемая часть идеологической деятельности партии.

Отрицание традиции вообще — другая крайность мелкобуржуазности, которая, как известно, разнолика. Мелкобуржуазное сознание дает великое множество оттенков — от приверженности к канонам «Домостроя» до анархистских лозунгов «Никаких авторитетов!». Характерно, что все эти концепции находятся в полном отрыве от реальной социально-исторической практики и являются по существу не более чем окрошкой из раскавыченных суждений «почвенников» и славянофилов, слегка, правда, модернизированных и «приправленных» либо высокопарными императивами в духе абстрактного гуманизма, либо левацкими идеями бунта против «всего и вся».

С понятием «социалистическая личность» для нас неразрывно связаны пролетарский интернационализм и ненависть трудящихся к классовым врагам, ко всякого рода пережиткам прошлого. И такая личность формируется только в процессе активного, деятельного участия в общем труде по созиданию нового мира. Бесспорно и то, что теория и практика коммунистической нравственности постоянно развиваются и обогащаются новыми обобщениями, новым опытом. В этом и заключаются ее жизненность и социальная активность.

Мелкого буржуа по своему объективному мирозерцанию (чтобы быть мелким лавочником по убеждению, необязательно стоять у полок собственного магазинчика) страшно пугают идейность, организованность, ответственность и другие требования, которые предъявляет социалистическое общество к

личности. Мещанин привык только требовать сам и на этих требованиях строить свою философию.

В этом свете невозможно согласиться с некоторыми утверждениями статьи Г. Батищева «Задачи воспитания нового человека», опубликованной в сборнике «Ленинизм и диалектика общественного развития». Начнём с того, что в статье нет ни слова о программных целях партии в формировании новой личности, о деятельности КПСС в этой области, о тех актуальных задачах воспитания, которые решают советская школа, комсомол, общество в целом. Тщетно искать какую-либо серьёзную постановку вопроса о тех действительно актуальных проблемах воспитания, которые выдвигает жизнь. Главной целью воспитания автор считает «деятельно-критичный образ жизни». Но опять-таки вся «деятельность», по Батищеву, сводится к голому критицизму, огульному отрицанию. Например, он яростно ополчается на традиции, утверждая, что на их основе воспитывать людей нельзя: «Она (традиция. — А.Я.) всегда так или иначе ограничена из-за своего нетворческого характера». Между тем кому не известно, что в социально-нравственный опыт нашего народа неотъемлемой частью вошли революционные, воинские и трудовые традиции?!

Если говорить о социалистическом обществе, то одной из его характерных черт является высокая организованность, сознательная дисциплина. Именно эти требования становятся особенно актуальными ныне, на современном этапе и социального развития, и научно-технической революции. Но Г. Батищев мыслит по-иному. Он пишет: «Было бы вреднейшей нелепостью представлять социализм как общество, учреждающее еще один тип рутинных «табу», раз и навсегда закрепленных обычаев, догматизированных норм и обрядов». Разумеется, «догматизированные нормы», если имеются в виду консерватизм, рутина, вредны. Но не следует ли при этом напомнить, что понятия «норма» и «догма» не синонимы и что гуманные принципы социализма только тогда могут служить человеку, когда они надежно ограждены от чьих-либо посягательств, когда их соблюдает каждый, иначе общество ничем не будет отличаться от «бурсы» Помяловского.

Добрые традиции всегда будут жить, приумножаться, отражая собой созидательную историю народа. Те же, кто живой интерес к прошлому Родины, к ее революционным, культурным завоеваниям, заботу об охране памятников старины лишают какого бы то ни было классового содержания, оказывают медвежью услугу делу, за которое, казалось бы, ревностно ратуют. Ведь известно, что лучший способ скомпрометировать любое полезное в основе дело — это довести его до абсурда. Это и проделывают некоторые публицисты.

Вот рассчитанная на массового читателя брошюра С. Семанова «Памятник «Тысячелетие России» в Новгороде». Сама по себе идея такого издания

сомнений не вызывает: памятник «Тысячелетие России», при всей неоднозначности отношения к нему передовых сил русского общества в прошлом, и сегодня сохраняет свою историческую ценность. Но противоречивость его судьбы требует от современного истолкователя предельной четкости.

К сожалению, автор брошюры не занял диалектической, проникнутой историзмом позиции, не стал затруднять себя тем, чтобы отделить нетленное, с точки зрения искусства, от наносного и преходящего, хотя в его задачу, разумеется, входило помочь читателю разобраться в идеологической сущности празднования в 1862 году тысячелетия Российского государства, бесспорно, отразившейся и на замысле скульптора М.О. Микешина. По словам С. Семанова, в 129 скульптурах памятника нашли свое отражение «гражданские убеждения» его создателя, «его понимание Родины и родной истории».

В действительности отбор исторических фигур для памятника носил строго выдержанный, тенденциозный характер и выражал не столько «гражданские убеждения» самого скульптора, сколько требования официальной идеологии русского царизма в духе триединой формулы «самодержавие, православие и народность». В брошюре нет и тени социального анализа, спора, критики, создается впечатление, что автор полностью согласен с тем пониманием «судьбы Родины», которое отражено в барельефах и скульптурах памятника.

Все, что нашел нужным сказать автор о торжественном открытии памятника, задуманного и осуществленного как откровенная идеологическая акция самодержавия, носит бесстрастный характер: «Новгород давно уже не видел такого стечения именитых гостей. Сюда прибыли царь Александр II, двор, высшие сановники и офицеры. Торжества были пышные».

Далеко не столь эпически встретили это событие современники. А.И. Герцен откликнулся в «Колоколе» статьей-памфлетом «Юбилей», выразившей подлинно демократическую точку зрения на торжества, иное понимание судеб Родины и отечественной истории. «Нас обижают продолжение лжи в прошедшем, — писал А. И. Герцен, — нас обижают барельефные обманы. Есть что-то малодушное и тупоумное в преднамеренном искажении истории по высочайшему повелению».

Людам, не искушенным в истории и политике, подобная позиция может показаться неким новаторством, «смелым» взглядом на события, лишенным какой-либо тенденциозности. Но тенденция здесь есть, и вполне определенная: небрежение реальными историческими фактами в угоду субъективистской внесоциальной концепции. Уместно вспомнить, что в свое время С. Семанов в статье «Иллюстрации к схеме», написанной совместно с В. Старцевым («Новый

мир», № 12, 1966), взялся «припомаживать» политику Керенского, утверждая, например, что «после Февральской революции правовое и экономическое положение рабочих улучшилось, был достигнут подъем реальной заработной платы...». Как будто не было ни расстрела июльской демонстрации 1917 года, ни заточения большевиков в «Кресты», ни убийства рабочего Воинова, ни подготовки физической расправы над В.И. Лениным. Что же касается «улучшения экономического положения рабочих» стараниями Керенского и компании, то, по свидетельству самого продовольственного комитета Временного правительства, выдача хлеба рабочим Москвы и Петрограда к сентябрю 1917 года составляла менее полуфунта в день, а реальная заработная плата уменьшилась почти в два раза (см. «История Гражданской войны в СССР», т. I, стр. 357, 385).

Забвение социально-классовых критериев можно порой наблюдать не только в исторической науке, но и в литературоведении. Взяв хотя бы статью Б. Егорова «Славянофильство» в Краткой литературной энциклопедии. Подробно описав «взгляды славянофилов по самому широкому кругу вопросов, автор не нашел места лишь для характеристики классовых корней этой консервативной идеологии, не сказав фактически о самом главном — о том, что она носила дворянский, помещичий характер.

Мотивы «неопочвенничества» не так уж безобидны, как может показаться при поверхностном размышлении. Если внимательно взглядеться в нашу жизнь, проанализировать динамику социально-экономических и нравственно-психологических сдвигов в обществе, то неизбежным будет вывод: общественное развитие отнюдь не стерло и не могло стереть четких граней, разделяющих национальное и националистическое, патриотическое и шовинистическое. Происходит другое: наполнение чувства патриотизма новым, интернационалистским содержанием, перерастание его за границы, очерченные национальным происхождением. Патриотизм и интернационализм в наших, социалистических условиях ни в коей мере не противостоят друг другу, они органически слиты, спаяны воедино.

Разумеется, из того факта, что в нашем обществе утвердились отношения братского сотрудничества и дружбы между народами, что в нем господствует интернационалистская идеология, вовсе не следует, будто теперь проблемы патриотического и интернационального воспитания трудящихся разрешаются автоматически. Актуальность этих проблем подчеркнута в документах XXIV съезда партии, в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР». На важность усиления работы по интернациональному воспитанию трудящихся, на важность борьбы против пережитков национализма, на необходимость последовательного проведения классового, строго научного подхода в оценке истории народов вновь указано в партийных

документах, постановлениях ЦК КПСС.

Область национальных отношений вообще и особенно в такой многонациональной стране, как наша, — одна из самых сложных в общественной жизни. И пока существуют нации, с повестки дня не могут быть сняты проблемы воспитания людей разных национальностей в духе глубокого взаимного уважения, непримиримости к проявлениям национализма в любой их форме — будь то местный национализм или шовинизм, сионизм или антисемитизм, национальная кичливость или национальный герметизм.

Буржуазная пропаганда всячески стремится оживить националистические настроения. Хорошо известно, какая активная кампания ведется нашим классовым противником в связи с 50-летием многонационального Советского государства. Один из главных тезисов этой кампании: Союз Советских Социалистических Республик — соединение будто бы чисто механическое, неорганичное, а отнюдь не могучий союз равноправных народов, добровольно ставших на путь строительства нового общества и объединенных в одну социалистическую семью. Легко понять, сколь старательно выискиваются и раздуваются при этом любые, самые малейшие проявления национализма, с какой готовностью подхватываются рецидивы мелкобуржуазной национальной ограниченности и чванства, пусть и самые незначительные.

Партия всегда была непримирима ко всему, что может нанести ущерб единству нашего общества, в том числе к любым националистическим поветриям, откуда и от кого они ни исходили бы.

Одним из таких поветрий являются рассуждения о внеклассовом «национальном духе», «национальном чувстве», «народном национальном характере», «зове природной цельности», содержащиеся в некоторых статьях, отмеченных объективистским подходом к прошлому. Их примечательная особенность — отрыв современной социальной практики от тех исторических перемен, которые произошли в нашей стране за годы после Великого Октября, игнорирование или непонимание того решающего факта, что в нашей стране возникла новая историческая общность людей — советский народ. Авторы этих статей словно бы чужаются таких слов и понятий, как «советское», «социалистическое», «колхозное». Критик В. Петелин предлагает, например, взамен Марксовой формулы о сущности человека как «совокупности общественных отношений» свою, доморощенную: «сущность» человека — «в национальности, к которой он принадлежит» («Волга», № 3, 1969). Как будто существует или может существовать в нашей стране некий национальный характер вне определяющего влияния революции, социализма, коллективизации и индустриализации страны, вне культурной и научно-технической революции, вне основных социальных констант времени.

Если попытаться довести до логического конца подобные, отнюдь не блещущие новизной рассуждения, то получается следующее: в мире нет классов, социальных слоев и групп, нет обусловленных прежде всего классовыми, социальными интересами идеологических направлений, а есть лишь незыблемые и неизменные национальные особенности, возникшие в неведомые времена по неведомым законам.

Подобное внесоциальное, внеисторическое понимание нации и национальной культуры, взятой в целом, противопоставляется западной, европейской культуре тоже без учета ее социальной дифференциации. И подобное противопоставление выдается порой чуть ли не за борьбу с буржуазной идеологией. Однако именно буржуазные идеологи изображают Россию как нечто противостоящее Европе в своей косности и заскорузлости. Они намеренно не хотят видеть социального размежевания и классовой борьбы не только в дореволюционной России, но и в странах современной буржуазной Европы и Америки, существования там демократических традиций, распространения пролетарской, марксистско-ленинской идеологии.

Надо ли доказывать, сколь неверно изображать исторически неизбежный и прогрессивный процесс интернационализации жизни советских народов как ликвидацию национального своеобразия! Коммунисты отвергают буржуазную постановку вопроса, согласно которой интернациональное мыслится как голое отрицание всего национального. Интернациональное, говорил Ленин, не есть безнациональное.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости?» — спрашивал В.И. Ленин. И отвечал: «Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...» Такова теоретическая основа нашего, советского патриотизма, возрастающего на революционных, демократических, подлинно народных традициях отечественной истории, на чувстве национальной гордости народа, совершившего величайшую в мире социалистическую революцию, первым в человеческой истории строящего коммунизм.

Что же касается отдельных ревнителей «национального духа» и патриархальной старины, то они выражают определенное пережиточное сознание. Именно

таковы попытки приукрасить, обелить некоторых представителей буржуазного национализма, что обнаружилось в ряде публикаций об украинских буржуазных националистах, о грузинских меньшевиках, социал-федералистах, об армянских дашнаках. Именно за игнорирование четких классовых критериев в подходе к проблемам национального развития Закавказья Тбилисский горком КП Грузии вполне обоснованно подверг критике книгу У. Сидамонидзе «Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии (1917-1921 гг.)», а партийная печать Армении — книгу А. Мнацаканяна «Ленин и решение национального вопроса в СССР».

Полезно всегда помнить, что опасность мелкобуржуазного национализма состоит в том, что он паразитирует на святом чувстве любви к своей отчизне, на высокой идее патриотизма, искажая ее до неузнаваемости. В итоге вместо национальной гордости получается национальное чванство, а патриотизм оборачивается шовинизмом.

Если смотреть на вещи реально, то вполне допустимо, что многие из тех взглядов, которые мы подвергли критическому разбору, в личном плане в какой-то мере можно было бы рассматривать как своеобразную субъективистскую реакцию на те или иные острые вопросы современности. Дело, однако, в том, как подчеркивал В.И. Ленин в известном письме к А.М. Горькому, что конкретные политические результаты той или иной проповеди определяются в конечном счете не стремлением «сказать «доброе и хорошее», указать на «правду-справедливость», а объективным социальным содержанием высказанных взглядов, реальными обстоятельствами общественного бытия.

Мы знаем, ценим и любим многие художественные и публицистические произведения, пронизанные великой гордостью за свой народ, за его свершения, болью за его тяжкое прошлое и радостью за настоящее. Такие произведения близки каждому советскому человеку.

Отдельные же проявления антиисторизма, конечно, никак не колеблют устоев, принципов марксистско-ленинского анализа как прошлого, так и современности. Тем более они не могут заслонить тот благотворный процесс укрепления дружбы народов, великого завоевания революционного Октября, социалистического строя. Но сказать о них надо, дабы не запутались окончательно отдельные ревнители «национального духа».

И еще одно, так сказать, частное замечание. Некоторые статьи на темы, о которых мы вели речь, нельзя назвать бесталанными, они написаны не без страсти, полемически остры. Жаль только, что защищают они дело бесперспективное, самой жизнью обреченное, отвергнутое.

Коммунистическая идеология выражает, как известно, идеалы и чаяния рабочего класса, класса-интернационалиста по своей природе. Вот почему национализм несовместим с советским патриотизмом и пролетарским интернационализмом, глубоко враждебен им. Воспитание патриотизма мы рассматриваем прежде всего как воспитание патриотизма советского, воспитание великой гордости за ту социальную реальность, которая создана трудом и борьбой поколений революционеров.

Именно в марксизме-ленинизме как революционном учении пролетариата воплощены высочайшие человеческие духовные ценности. Что же касается прошлого, то нам дороги прежде всего подлинно демократические, революционные элементы и традиции в истории нации. Мы видим нравственный пример не в «житиях святых», не в приукрашенных биографиях царей и ханов, а в революционном подвиге борцов за народное счастье. Мы ценим все, что создали гений, ум и труд народа на протяжении веков, но особую нашу гордость вызывает наша сегодняшняя социалистическая действительность.

«Литературная газета», 15 ноября 1972 г.